

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.4.5>

UDC 101.1:304

LBC 87.6

WOMAN'S IMAGE IN SOCIAL DISCOURSIIVE PRACTICES

Valentina A. Andreeva

Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The concept of “image” is one of the leading categories of cognition of social reality, as well as one of the integral attributes of human thinking. Communication in modern society is characterized by the expansion of the visual sphere, the deconstruction of values, the transformation of gender roles. With the development of the media space, the image of a woman acquires new connotations in the public consciousness, which indicates the relevance of the chosen problem. Within the network society, one and the same image can be presented in different interpretations, equally legitimate, despite its possible contradiction. The construction of the image of a woman in the social system is associated with discursive practices that are inherent in a particular society. Gender identity is one of the universal constructs of social reality. Identity is formed on the basis of social interaction, and representations of the image of a woman are fixed in various symbolic connections that are manifested in discursive practices. From the point of view of the theory of social construction, developed by P. Berger and T. Luckmann, reality has a combined character, including subjective, objective and institutionalized aspects. Based on this, three levels of social construction of the image of a woman in discursive practices are proposed: consecutive, performative, and narrative. At the consecutive level, the image of a woman is realized in co-existence, as in the bodily experience of being in social reality and reflects the conditions for building the horizon of the human life world. At the performative level, the image of a woman is signified by means of performative acts. The performative act reflects any linguistic action that supports or denies the existing symbolic order and thereby creates it. At the narrative level, the image of a woman is a montage of a kaleidoscope of images representing the sociocultural experience of gender meaning.

Key words: image of a woman, gender, identity, subjectivation, performance, narrative.

Citation. Andreeva V.A. Woman's Image in Social Discursive Practices. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 39-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.4.5>

УДК 101.1:304

ББК 87.6

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Валентина Александровна Андреева

Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. Понятие «образ» является одной из ведущих категорий познания социальной действительности, а также одним из неотъемлемых атрибутов мышления человека. Для коммуникации в современном обществе характерно расширение сферы визуального. Образ женщины с развитием медиапространства приобретает новые коннотации в общественном сознании, что указывает на актуальность выбранной проблемы. В рамках сетевого общества один и тот же образ может быть представлен в различных интерпретациях, равно легитимных, несмотря на их возможную противоречивость. Конструирование образа женщины в социальной системе связано с дискурсивными практиками, которые присущи тому или иному обществу. Гендерная идентичность – один из универсальных конструктов социальной реальности. Идентичность формируется на основе социального взаимодействия, а репрезентации образа женщины закреплены в различных символических связях, проявляющихся в дискурсивных практиках. С точки зрения теории социального конструирования, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом, реальность имеет комбинированный характер, включающий субъективный, объективный и институционализированный аспекты. На основании этого предложено три уровня социального конструирования образа женщины в дискурсивных практиках: консеквативный,

перформативный и нарративный. На консеквативном уровне образ женщины осуществляется в со-бытии как в телесном опыте присутствия в социальной действительности и отражает условия построения горизонта жизненного мира человека. На перформативном уровне образ женщины означает посредством перформативных актов. Перформативный акт отражает какое-либо языковое действие, которое поддерживает или отрицает сложившийся символический порядок и тем самым творит его. На нарративном уровне образ женщины представляет собой монтаж калейдоскопических образов, репрезентирующий социокультурный опыт гендерного означивания.

Ключевые слова: образ женщины, гендер, идентичность, субъективация, перформативность, нарратив.

Цитирование. Андреева В. А. Образ женщины в социальных дискурсивных практика // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 39–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.4.5>

В самом широком определении образ есть отражение объекта в сознании. Образ женщины мы определяем как отображение матрицы существования женской гендерной группы. Понятие гендера стоит рассматривать как с позиции социального конструирования, так и с позиции экзистенциально-антропологической. Гендер имеет феноменальную-экзистенциальную антропологическую природу, для понимания которой необходимо обращение к социологии гендера. Подходя к вопросу социального конструирования гендера, имеет смысл интерпретировать гендер как не просто идею и понятие социального пола, а как перманентно творимый в жизненном мире феномен, который, как отмечает В.Н. Прямицин, «одновременно суть и реальность, и способ манипуляций ею» [Прямицин... web]. Из этого следует, что образ женщины в значительной степени субъективен как продукт индивидуального экзистенциального процесса самосознания. Но субъект включает в себя всегда лингвистическое условие своего существования и зависим от исторически сложившегося дискурса. Человек, обретая свое «Я», обретает образ себя, который он выстраивает из представлений о нем в его социальном окружении. Социальные нормы и установки несут за собой личностную унификацию, и несмотря на то, что экзистенциальная теория зачастую ставит приоритет индивидуального над социальным, становление личности невозможно вне социума. Экзистенция являет себя в социальном бытии, встраиваясь в общественные структуры и находясь в зависимости от социальной системы. Понятия гендера и образа женщины стоит рассматривать как проявление человеческой сущности, которая раскрывается посредством глубокого взаимодействия индивидуального и социального.

В современном (сетевом) обществе образ женщины становится вариативным в зависимости от контекста информационного поля, в котором он репрезентируется. В данной статье мы раскроем три уровня социального конструирования образа женщины в дискурсивных практиках: консеквативный, перформативный и нарративный.

Проявления образа женщины на всех уровнях тесно связаны друг с другом. Консеквативный уровень фиксирует идентификацию себя в качестве того или иного пола. Выражением внутренней жизни человека является его телесность. Социальное присутствие неотъемлемо от экзистенциального чувства внутри человека, который всегда погружен в определенные социальные условия и активно участвует в их изменении, будь то поддержание порядка либо отрицание (бунт). Данное участие человека осуществляется посредством телесности как опыта присутствия. Можно заключить, что на констатирующем уровне образ женщины закреплен в со-бытии.

В тело закладываются определенные паттерны поведения, которые выстраивают взаимоотношения человека с внешним миром и определяют его как личность. «Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь» [Сартр 1989, 333]. Тело включает в себя поведенческие основания: одежду, стандарты красоты и т. д. Общество учит владеть телом и обязывает человека выбирать те или иные символические позиции, предписываемые ему на нарративном уровне. Постигание отдельной личностью экзистенции достигается в процессе приобретения опыта, который всегда социально обусловлен.

Перформативный уровень предопределяет выбор гендерной позиции. Внутри данного уровня заключается сложная проблема соотношения человека и общества, свободы и власти. Как итог, в условиях данных противоречий на констатирующем уровне приобретается Я. Конструирование Я связано с понятием идентичности как нахождением себя в тождестве с другими, с определенной социальной группой. Образ женщины является транслятором символических кодов женской гендерной группы, через присвоение и репрезентацию которых приобретается гендерная идентичность. Тело выступает носителем данных знаков, телесность есть результат процесса означивания. М. Фуко отмечает, что для понятия тела характерны «внесубъектность» и «аффектированность». В данном ключе М. Фуко выделяет субъект-субстанцию и телесный субъект, который является неидентичной себе формой. Женщина, по мнению М. Фуко, является одним из примеров неидентичной телесной, маргинальной субъективности [Фуко 1999].

Самосознание неотрывно от социокультурного контекста. В данном ключе существуют две противоположные позиции. Первая из них рассматривает субъективацию как подчинение (М. Фуко, Дж. Батлер), вторая предполагает свободный выбор субъекта и объясняет гендерную субъективацию с позиции символического сексуального маскарада (Ж. Лакан). Социальные представления оказывают существенное влияние на все стороны психической жизни человека и реализуются в социальных практиках. В каких случаях социальные представления становятся процедурами надзора, наказания, принуждения? Когда желания индивида не соответствуют коллективным? С точки зрения М. Фуко желание субъекта тоже является сконструированным [Фуко 1999, 46]. Знания, которые порождает индивид, укрепляют воздействие власти, так как она и создает механизмы конструирования субъекта и присущие ему желания. Желание – фундаментальное понятие человеческого опыта, формирующее индивидуальное и социальное бытие.

В теории психоанализа человек – это всегда желающий субъект; желания формируют его социальные позиции и определяют его как

личность. Объектом желания, закрепленным в бессознательном, является бытие само по себе, которое в своей полноте было утрачено. Желание вызывает нехватка чего-либо, и оно всегда направлено на получение наслаждения (*jouissance*). Существует определенная оппозиция между наслаждением и удовольствием. Принцип удовольствия выступает как закон или запрет, ограничивающий наслаждение. Стоит отметить, что преодоление принципа удовольствия не ведет к наслаждению, а приносит боль, так как субъект может вынести только определенное, ограниченное количество удовольствия. Наслаждение – это парадоксальное удовлетворение, приносящее страдание. Попытки преодоления принципа удовольствия в поисках наслаждения являются влечением к смерти [Evans 1996].

Выбор мужской или женской символической позиции Ж. Лакан полагает базисными при формировании субъективности. Субъект – это всегда субъект пола. «Мужчина» и «женщина» являются означающими, которые представляют эти две субъективные позиции. Означающего полового различия, которое бы полностью символизировало функции мужчины и женщины, не существует, поэтому не существует завершенной половой позиции. Отсюда неуверенность: «мужчина я или женщина?», так как половая идентичность субъекта проблемна. Ж. Лакан полагает, что данный вопрос порождает истерию, и ссылается на традиционное представление о связи истерии с женственностью. И хотя истерия свойственна обоим полам, она порождена вопросом: «Что такое женщина?» [Лакан 1997].

Ж. Лакан развивает понятие специфически женского наслаждения, находящегося по ту сторону удовольствия (закона); женское наслаждение принадлежит, подобно мистическому экстазу, «порядку беспредельного». Не существует женщины «как таковой», то есть женщины не поддаются обобщению. Продолжая свою мысль, Лакан говорит, что женщина «не-вся»; в отличие от мужчины, являющегося универсальной функцией (подтверждаемой наличием фаллического исключения – кастрации), женщина является не-универсальностью, не допускающей исключения. В этом смысле женщина сравнима с истиной, поскольку обеим присуща логика не-всего (не суще-

стует женщины «как таковой», невозможно высказать «всю истину») [Лакан 1997].

Дж. Батлер следует тезису М. Фуко о том, что субъективность воспроизводится властью, но в акте перформативного действия субъект может проявлять сопротивление, пародировать механизмы власти [Батлер 2002]. Если «душа есть следствие и инструмент политической анатомии» [Фуко 1999, 46], то кто является действующим лицом власти? Ж. Бодрийяр отмечает, что когда-то говорили, что массы молчат, но сейчас, напротив, массы активно включены в информационное поле благодаря глобализации, информатизации и сетевому устройству общества, что порождает опросы и прогнозы [Бодрийяр 2000]. Известно, что для массы характерна импульсивность, непреднамеренность, стирание индивидуальной ответственности, внушаемость. Симптомом истерии современного общества, в котором гендерные позиции находятся в процессе трансформации, является возрастание андрогинии. «Мужская» и «женская» позиции в символическом пространстве имеют нечеткие границы и отличаются неустойчивостью.

Нарративные образы служат базисом для гендерной самоидентификации и артикулируются в социокультурном пространстве. Образ женщины на нарративном уровне выступает как объект, процесс, результат, действие и структура одного или нескольких событий, характеризующихся информационной направленностью на получателя. Данные информационные потоки формируют исторические события, которые являются не просто фиксаторами каких-либо происходящих закономерных исторических процессов, но представляют собой интерпретацию этих процессов в контексте той или иной социокультурной ситуации, которая преобразует репрезентируемый образ в зависимости от соответствия его общепринятым социальным нормам и идеалам.

Образ женщины на нарративном уровне представляет собой монтаж калейдоскопа образов, репрезентирующий социокультурный опыт гендерного означивания. Нарратив всегда элемент дискурса. С точки зрения концепции интерпелляции, предложенной Л. Альтюссером, субъект производится в дискурсе в ответ на «запрос власти» [Альтюссер web].

Дж. Батлер полагает, что интерпелляция осуществляется на двух уровнях. Первый – это уровень подчинения и принятия оклика власти, второй – уровень негативной реакции субъекта, отказ, протест против оклика власти. Но интерпелляция может функционировать, даже если оклик отсутствует и субъект находится внутри политики молчаливого непризнания и игнорирования нужд маргинальных групп, к которым на продолжительном отрезке исторического времени относились и женщины [Батлер 2002].

Образ женщины традиционно регламентируется посредством детерминации, то есть наличия и обнаружения в сущем определенных установленных условий. В Античности положение женщины считалось обусловленным космическим порядком, в котором разумным (и, следовательно, благом) признавалось наличие иерархических связей, например, господина и раба, мужчины и женщины и т. д. [Аристотель 2000]. В средневековых теологических представлениях судьба женщины определяется божественной волей. С точки зрения психоанализа З. Фрейда образ женщины обусловлен ее биологическим (анатомическим) происхождением, которому соответствуют базовые психологические характеристики «женского» (в отличие от «мужского»). В работах З. Фрейда мужественность выступает в качестве универсального принципа. Развитие девочки и мальчика на ранних стадиях идентично. Все дети в раннем возрасте привязаны к матери, мать – первый объект желаний. Мать – это первый большой Другой, то есть индивидуализированная для каждого субъекта форма символического, как отмечает Ж. Лакан. Однако на поздних этапах психологическое развитие девочки начинает отклоняться под влиянием комплекса кастрации, обусловленного отсутствием у нее мужских половых органов.

З. Фрейд полагает, что половая позиция формируется полом родителя, с которым субъект идентифицирует себя [Фрейд 2017]. Согласно Ж. Лакану, напротив, символическая идентификация всегда происходит с Отцом, поэтому половую позицию определяет не идентификация, а отношения субъекта к Закону, который фаллоцентричен. Непосредственных отношений между мужчиной и женщиной

не существует, так как они разворачиваются только лишь в поле языка. С точки зрения Ж. Лакана, женщина существует для мужчины не как действительный субъект, но только как фантазматический объект, как причина его желания, и вступает в отношения между полами только как мать [Лакан 1997]. Ю. Кристева также обращается к феномену материнства для объяснения позиции женского в культурном пространстве. Подходя к вопросу о становлении субъекта в целом, она выделяет семиотическую и символическую стадии субъективации. Обе стадии сопряжены с социокультурной ролью фигур матери и отца, значимость которых меняется в зависимости от определенного этапа лингвopsихологического становления субъекта. На семиотической стадии субъект не может поставить границу между собой и матерью, между внешним и внутренним и оперирует только до-вербальными аффектами. Разделение реального и символического происходит в процессе обретения знака, установления языковой системы и идентификации субъекта. Фигура отца содействует непосредственному становлению субъективного Я: «две силы стремятся поделить общество между собой. Одна, мужская, по виду победитель, признает, прежде всего своей ожесточенностью против другой, женской, что он запуган асимметричной, иррациональной, хитрой, неконтролируемой силой» [Кристева 2003, 106].

Смена фаз осуществляется через подавление материнского, которое воспринимается как угроза идентичности и сложившихся культурных основ. Посредством вытеснения материнского субъект достигает автономии и сохраняет порядок существующего социально-культурного устройства. Связь женщины с природой и ее роль в процессе рождения является причиной вытеснения женского в культуре. В механизме субъективации личности Ю. Кристева прослеживает связь роли материнского с феноменом отвращения: «Отвратительное – это то, что взрывает самоотжественность, систему, порядок. То, что не признает границ, положений дел, правил» [Кристева 2003, 39]. Негативное созидание способствует становлению субъекта, который отделяется от угрозы посредством чувства отвращения: «Экскремент и его эквиваленты (гни-

ение, инфекция, болезнь, труп и т. д.) представляют опасность, идущую извне идентичности: я испытывает угрозу со стороны не-я, обществу угрожает нечто внешнее, жизни угрожает смерть. Менструальная кровь, наоборот, представляет собой опасность, идущую изнутри идентичности (социальной или сексуальной); она угрожает отношению между полами в социальном сообществе и, через интериоризацию, идентичности каждого пола при решении вопроса о различии полов» [Кристева 2003, 107]. Ж. Батай отмечает, что ужас перед животными сексуальными потребностями всегда связан с отвращением смерти. Построение культурной среды и возвышение человека над средой естественной порождает отрицание как губительной, так и созидательной силы природы. В работе «История эротизма» автор называет человечество «высочками», стыдящимися своего происхождения. Человек устанавливает границы между природными и культурными мирами, погрузив во тьму и стремясь удалить из сферы своих смыслов формы животности. Отвращение сексуальной животной природы приводит к порождению эротизма – особой формы сексуальности, присущей только человеческому роду. Ж. Батай полагает, что сущность человека дана в запрете на инцест, вследствие которого возникает дарование женщин. Проблема инцеста опосредована системой социальных отношений и фактически заключена в рамках семьи. Автор подчеркивает, что процедура дарения женщин в архаичном институте брака является не просто выгодной сделкой первобытного сообщества во имя безопасности и экономического благополучия, но имеет также социальное, религиозное, правовое и моральное значение. Эротизм устремлен к наслаждению и лишен практической пользы – подобно тому как процедура дарения женщин противоположна торгу и подсчету прибыли. Ж. Батай называет физический половой акт даром бурлящей энергии, а сексуальные отношения в целом определяет как движение и коммуникацию, требующую отдачи, которая лежит в основе дарения женщин. Отказ, воздержание от животного начала есть сущность человечности, и эротизма не существовало бы без почитания запретных ценностей [Батай 2007].

Таким образом, три уровня социального конструирования образа женщины в дискурсивных практиках (консеквативный, перформативный, нарративный) раскрывают методологические перспективы изучения образа женщины и объясняют мотивы разграничения гендерных позиций, так как социальная система соответствует организации говорящего субъекта в символическом порядке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель 2000 – *Аристотель*. Политика. М.: РИПОЛ классик, 2010.
- Альтюссер web – *Альтюссер Л.П.* Идеология и идеологические аппараты государства [Неприкосновенный запас. 2011. № 3] // https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/.
- Батай 2007 – *Батай Ж.* История эротизма. М.: Логос, 2007.
- Батлер 2002 – *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. СПб.: Алетейя, 2002.
- Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
- Кристева 2003 – *Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003.
- Прямыцин... web – *Прямыцин В.Н.* К экзистенциально-онтологической феноменологии понятия «гендер» [Грани познания. 2010. Июнь, № 2 (7)] // <http://www.grani.vspu.ru/jurnal/7>.
- Сартр 1989 – *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
- Лакан Ж. 1997 – *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда // Лакан Ж. Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. М.: Рус. феноменол. о-во: Логос, 1997. С. 54–87.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фрейд 2017 – *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М.: Изд-во «Э», 2017.
- Evans 1996 – *Evans D.* An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis. L.: Routledge, 1996.

REFERENCES

- Aristotle, 2000. *Politics*. Moscow, RIPOL klassik Publ.
- Althusser L.P., 2011. Ideology and ideological state apparatuses. *Neprikosnovennyu zapas*, no. 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/.
- Bataille Zh., 2007. *The History of Eroticism*. Moscow, Logos Publ.
- Butler J., 2002. *The Psychic Life of Power: Theories of Subjection*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Baudrillard J., 2000. *Transparency of Evil*. Moscow, Dobrosvet Publ.
- Kristeva Yu., 2003. *Powers of Horror: An Essay on Abjection*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Pryamitsin V.N., 2010. Towards the Existential-Ontological Phenomenology of the Concept of “gender”. *Grani poznaniya*, June, no. 2 (7). URL: <http://www.grani.vspu.ru/jurnal/7>.
- Sartre J.P., 1989. Existentialism is Humanism. *Twilight of the Gods*. Moscow, Politizdat Publ., pp. 319-344.
- Lacan J., 1997. The Instance of the Letter in the Unconscious, or The Fate of the Mind After Freud. Lacan J. *The Instance of the Letter in the Unconscious, or The Fate of the Mind After Freud*. Moscow, Ruskoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., Logos Publ., pp. 54-87.
- Foucault M., 1999. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Moscow, AdMarginem Publ.
- Freud Z., 2017. *Essays on the Psychology of Sexuality*. Moscow, Izd-vo «E».
- Evans D., 1996. *An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis*. London, Routledge.

Information About the Author

Valentina A. Andreeva, Postgraduate Student, Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University, Prosp. Mira, 11, 644050 Omsk, Russian Federation, andreeva_valyaaa@bk.ru, fmg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1395-3874>

Информация об авторе

Валентина Александровна Андреева, аспирант кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет, просп. Мира, 11, 644050 г. Омск, Российская Федерация, andreeva_valyaaa@bk.ru, fmg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1395-3874>